

Наталья Николаева

Современные переводы "Ареопагитик" на русский язык

Studia Rossica Posnaniensia 32, 91-97

2005

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ *АРЕОПАГИТИК* НА РУССКИЙ ЯЗЫК

THE MODERN TRANSLATIONS OF *CORPUS AREOPAGITICUM* INTO RUSSIAN

НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВА

ABSTRACT. This paper is dedicated to the question of *Corpus Areopagiticum* modern translations into Russian. Language features of the translations are analyzed in connection with their purposes. General-theoretical questions of Russian literary language history, historical stylistics, the text diachrony and problems of translation are offered to discussion.

Наталья Николаева, Казанский университет, Казань – Россия.

В настоящее время заметно возросло внимание к произведениям восточных отцов церкви, в частности к сочинениям Псевдо-Дионисия Ареопагита. Его труды не только переиздаются, но и переводятся вновь (в последние годы появились версии Г.М. Прохорова, Н.Г. Ермаковой, А.А. Смирновой и др.)¹. Особенность каждого перевода связана прежде всего с тем, с какого языка он производился – с греческого или с церковнославянского. Насколько эти переводы отличаются друг от друга, продемонстрируем на одном небольшом фрагменте текста (СН II, 5) – парафразе известного евангельского изречения: „Ибо не подобает, как говорят Речения, бросать свиньям беспримесную, световидную, красоту творящую благоупорядоченность умственных жемчужин” (II, 69) „– Ибо нехорошо, как говорит Писание, бросать перед свиньями чистое, световидное и добротворное украшение умного жемчуга” (I, 237).

Очевидно, что оригинал, который кладется в основу перевода, определяет и его целевую направленность.

¹ В основу статьи положены два перевода: А.А. Смирновой с древнерусского языка в книге А.И. Макаров, В.В. Мильков, А.А. Смирнова, *Древнерусские „Ареопагитики”*, Москва 2002 (далее под цифрой I), по этому же изданию дается текст древнеславянских *Ареопагитик* (по рукописи ГИМ. Увар., № 264), и Г.М. Прохорова с греческого языка в книге *Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника*, Санкт-Петербург 2003 (далее под цифрой II), по этому же изданию цитируется греческий текст.

Основная задача переводов с греческого – познакомить широкий круг читателей с малоизвестным памятником философской мысли, ввести этот памятник в научный обиход, предоставив возможность студентам, аспирантам, ученым, не владеющим древнегреческим или древнеславянским, составить представление об ареопагитском корпусе самостоятельно, а не по популярным цитатам из трактатов Ареопагита или по – пусть даже добросовестным – пересказам его учения. А ргіогі можно утверждать, что переводы, сделанные непосредственно с греческого, отличает верное следование оригиналу, большая четкость в философской терминологии.

Спецификой переложения с древнеславянского является то, что в этом случае речь идет о переводе перевода, причем мы не даром употребляем слово „переложение”, поскольку оно лучше отражает сущность этого явления, о котором лишь условно можно говорить как о переводе. Эти переложения вводят в мир средневекового русского книжника и, снабженные подробным комментарием, дают представление о состоянии и развитии философской мысли в „Slavia Orthodoxa”. По этому переложению легко угадывается его основа, а сравнение с греческим текстом (и с современным переводом, произведенным с греческого) позволяет проследить особенности древнеславянской переводческой техники. В переложении учитывается и греческий оригинал, но, в соответствии со своими задачами, авторы не „правят” исходный текст, сохраняя все вставки, не подкрепленные текстом первоисточника, и не восстанавливая лакуны (речь здесь идет о пропущенных фрагментах текста), имеющиеся в славянском корпусе по сравнению с греческим.

Так, например, в славянском переводе часто взаимозаменяется первая часть сложных слов (как правило, стоящая под титлом): *бого-* ↔ *благо-*, *священно-* ↔ *свето-*. Такая взаимозаменяемость объяснима смысловой отнесенностью данных основ к общему референту – высшему трансцендентному началу: *Благ(ой)*, *Свят(ой)*, *Свет* являются божественными предикатами (именами). В современном русском переложении эта особенность не устраняется – перевод же с греческого дает всегда правильное соответствие. Ср.: *светлолепное осияние* (I, 268; так же в славянском переводе) – *священнолепное осияние* (II, 153) – *hagiopreous ellampseos*.

Проникновение в древнеславянский перевод современное переложение облегчает еще и тем, что слова, отсутствующие в первом переводе, но необходимые в современном языке прежде всего как связующие элементы текста, восстанавливаются, но заключаются в квадратные скобки. Например: „Заметь [себе] слово «сорастворение» и [пойми], почему единосущный Бог [сам в себе] множится” (I, 226); „об этом же слышал Моисей: «Сделай по [тому] образу, [какой] показан [был] тебе на горе»” (I, 227) и т.п. Этот прием можно сравнить с графическим выделением (курсивом²) в переводе с греческого слов, отсутствующих в оригинале, но необходимым образом восстанавливае-

² В тексте данной статьи выделяется подчеркиванием.

мых в русском тексте (что связано с внутренними структурными и узусным различиями обоих языков). Например: *рождение от Девы* (II, 273) как соответствие греческому *to ek parthenou* (буквально субстантивированное предложно-падежное сочетание „от Девы“). Часто восстанавливаемые места в обоих современных переводах совпадают, поскольку древнеславянский текст в основном пословно передает греческий: „Отцами [он] здесь называет давших Священное Предание, а не [отцов] по крови (I, 225) – Отцами здесь он представляет тех, кто передал ему предание, а не физических предков” (II, 39), ср. греч. *ou men tous physikous* – слав. **Не оубо же естъвныя** (б в).

Оба перевода учитывают и традиции древнеславянских *Ареопагитик*, первого и наиболее авторитетного в истории корпуса перевода, завершеного афонским старцем Исайей в 1371 году и переписывавшегося из рукописи в рукопись вплоть до XIX (!) века, несмотря на то, что с конца XVII века появляются новые церковнославянские переводы ареопагитского корпуса. Влияние первого перевода проявляется прежде всего в словообразовательных окказионализмах, сотворенных по образцу новообразований, встречающихся у Исайи. В основном это композитные образования типа *Совершенноначальное священноустановление* (II, 41), *священноизмышления* (II, 47), *благопокорно* (II, 89), *единоравие* (II, 713), *детоводитель* (II, 733) и т.п. Реже встречаются аффиксальные производные, как *жительствование* (II, 853) или *просовершенный* (II, 151). Относительно больше подобных новообразований в переложении, созданном непосредственно с древнеславянского. Здесь отмечаются такие слова, как *многопестротный* (I, 228), *преждесовершенный* (I, 241), *ангелопенно* (I, 245), *многоочитые* и *многокрылатые* (I, 248), *господоначальное благовидение* (I, 257), *началотворный* (I, 261); *безмероножие* (I, 274), *возлетание* (I, 250) и многие другие. Можно говорить и об „общем фонде” производных слов, обнаруживаемых в обоих современных переводах и восходящих, несомненно, к переводу древнеславянскому. К ним относятся, например, слова *священнопенно*, *приснодвижный*, *надсуцностный*, *златовидный*, *священноначальствовать*, *совершенноначалие* и др. Несомненно, что все приведенные примеры являются кальками с греческого, но традиции их перевода (калькирование и параллельно использование существующих в славянском словообразовательных моделей) были заложены в труде Исайи, поэтому даже в отношении современного перевода непосредственно с греческого невозможно объяснить появление подобных слов одним лишь влиянием оригинала – из приведенных примеров на это указывают прежде всего слова *детоводитель* (вместо уместного *педагог*) или *жительствование*.

Даже подражание греческому синтаксису (в приведенном ниже примере – постпозиция согласованных определений и особая постановка определения несогласованного между предлогом и относящимся к нему словом, подражающая типичной греческой конструкции) воспринимается в современном переводе как стилистическое средство, а не передача специфики оригинала. Ср.:

„Троица пресущественная, пребожественная и преблагая, руководящая премудростью христиан, направь нас к таинственным слов непознаваемой пресветлой и высочайшей вершине” (II, 737).

Однако, несмотря на внимательное отношение к славянскому тексту, сохраняя основной философский смысл и даже подражая средневековому узусу, современные переводчики не передают средневековой эстетики текстопостроения, так что один из важных элементов славянских *Ареопагитик* исчезает в новых переложениях. Принципы текстопостроения оригинала тесно связаны с характером мировоззрения и особенностями философского метода автора *Ареопагитик*. Славянский перевод не всегда может копировать особенности текстопостроения греческого оригинала в деталях, но, используя традиционный для византийской письменности и распространенный в то время и в „Slavia Orthodoxa” арсенал средств, отражает в целом характер греческого текста. Наиболее часто в *Ареопагитиках* используется прием, состоящий в контактном употреблении однокорневых слов (*figura etymologica*), различных словоформ одного и того же слова (*polyptoton*) или близкозвучных слов (*anpminatio*, *парономасия*), т. е. различного вида повторов. Звуковое и словесное нагнетание, с одной стороны, должны уводить читателя в область невербального (поскольку слово бессильно назвать сущность трансцендентного мира) – в то же время именно в этой сфере и возможно неожиданное откровение, выражение таким образом невыразимого словом. Поэтому этот прием так любим автором (и переводчиком) *Ареопагитик*³. Как мы уже отметили, в современном переводе трудно передать тончайшие нюансы искусства построения древнеславянского текста, вобравшего в себя многовековые риторические традиции. Вот только один пример из трактата *О небесной иерархии* (II, 3 Sch). В древнеславянском переводе этот фрагмент строится на развертывании слова слово за счет повтора корневой морфемы: **Словѣ(с)н’ство же глѣть при всѣѣ, не тако словесна хощеть показати бга, тако причаствѣющаа словѣ. се бо изъпавляетъ, нѣ тако самословесне есть. слв(в) сын (11б) (словесн’ство – словесно – слово – самословесіе – слово)**. В переложении с древнеславянского этот фрагмент звучит так: „Божественный же разум означает не то, что [Дионисий] хочет показать, [что] Бог разумен, но [показать Бога как] изначально соединенного со Словом. [Он] показывает [именно то], что [Бог] Сам от Себя получает Слово” (I, 231). Синкретичное единство слова и мысли, представленное в греческом слове *logos* и его производных, невозможно передать нерасчлененно в современном русском языке, Логос распадается на Слово и Разум, и, таким образом, текст утрачивает опору в ключевой морфеме. Несколько удачнее в этом плане получился перевод непосредственно с греческого, но принцип ключевого слова (морфемы) также не

³ См. об этом подробнее в: Н.Г. Николаева, *Трактат Дионисия Ареопагита „О божественных именах” в древнеславянском переводе*, „Beiträge zur Slavistik” 2000, Bd. XLII, с. 16–73.

удалось выдержать до конца: „О разумности же Бога он говорит не для того, чтобы показать, что Бог разумен как причастный разуму, это ведь очевидно, но потому что Он есть Сама-по-себе-разумность, целиком будучи Логосом” (II, 55). То же самое можно сказать о библейской цитате из Послания Иакова (I, 17), с которой начинается данный трактат. В древнеславянском тексте эта цитата развертывается: морфемы повторяются, развертываясь в сложные слова, слова развертываются до формулы, формулы усложняются и тем самым разрушаются. Сами повторы строятся по принципу зеркального отражения: **Въсако даніе благо и въсѣкъ даръ съвършенъ, свыше є(сть), сходни ѿ ѿца с’вѣто(м) нж и въсѣко ѿцадвижнаго свѣтоавленна прошъствіа въ насъ благодатнѣ приходимо** (6 а) (подчеркнутый фрагмент и является цитатой из Иакова). В современных переводах нюансы исходного текстопостроения не соблюдаются, ср.: „Всякое даяние благое и всякий дар совершенный свыше есть, сходя от Отца светов” (Иак. 1:17). „Но и всякое исхождение движимого Отцом светосвечения, благодатно в нас приходящее...” (II, 37); „«Всяко даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов», – так и всякое изливание Отеческого сияния благодатно приходит в нас” (I, 225).

Эти любопытные наблюдения, имеющие, на первый взгляд, какую-либо ценность лишь в аспекте диахронии конкретного текста, выводят нас, однако, на ряд важных проблем теоретического характера, которые лингвистам предстоит решать в ближайшее время. К ним относятся прежде всего вопросы, связанные со статусом церковнославянского языка и его сущностными и функциональными особенностями; вопросы исторической стилистики; вопросы перевода.

Ввод в научный обиход все большего числа текстов богословского характера в новых переложениях, как ни парадоксально, напоминает ситуацию первой рецепции этих текстов в Средневековой Руси. Непредвзятый взгляд обнаружит в новых переводах схожее варьирование, каковое присутствовало в первых переложениях. Но если флуктуация⁴ в средневековом тексте была связана со становлением нормы (первоначально в пределах текста-образца), то в современном тексте она связана с его стилистической неопределенностью и жанровой оригинальностью. Если провести опыт в рамках функциональной стилистики, то язык переводов богословских трактатов невозможно с однозначностью отнести к одному определенному стилю: в нем обнаруживаются черты как научного стиля, так и стиля художественной литературы, но это не эклектика, а качественно новое образование. Обратимся к классическому определению стиля, данному В.В. Виноградовым: „Стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка,

⁴ Термин Е.М. Верещагина.

соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой практике данного народа”⁵. Присутствует ли общественное осознание и функциональная обусловленность целенаправленного отбора тех языковых средств, которые использованы при создании текстов, подобных нашему? Однозначно ответить на этот вопрос пока трудно, поскольку традиция широкого бытования богословских текстов была прервана у нас более чем на полвека – а это значительный для развития языка промежуток. Особенность ситуации заключается еще и в том, что для богословских сочинений использовался до конца XIX века в основном церковнославянский язык. Традиция русской классической, по сути своей религиозной философии рубежа XIX–XX веков после ее кратковременного взлета не имела широкого продолжения в силу исторических обстоятельств. Так что богословские сочинения, прежде всего, переводные, которые появляются у нас в настоящее время, отличаются стилистической неопределенностью. Отвечая на поставленный выше вопрос, можно сказать, что общественное осознание особенности таких текстов и функциональная обусловленность отбора языковых средств, конечно, присутствуют, но отбор не может быть произведен в короткий период времени, отбор – это результат традиции, а она отсутствует.

Предвижу недоумения: а стоит ли так обособлять ареопагитский корпус? Не занимает ли он свое место в ряду произведений исторической научной прозы (и поэзии), к которой можно отнести диалоги Платона, эпос Тита Лукреция Кара, ботанические поэмы Валафрида Страбона и Одо из Мена и тому подобные сочинения? Думаю, что стоит по ряду причин. Во-первых, в отличие от большинства исторических научных сочинений, корпус трактатов Псевдо-Дионисия Ареопагита неоднократно переводился на славянский язык, а это означает не только то, что он вошел в историю русского литературного языка, но и то, что он вошел в кровь и плоть русской философской мысли, и игнорировать этот факт не приходится. Во-вторых, кроме такого особого статуса в истории русского языка и культуры, это произведение типологически входит в ряд богословской литературы, т.е. призвано обслуживать ту сферу нашей общественной жизни, которая является наиболее консервативной. Язык науки меняется значительно быстрее, чем язык церкви. И если *De rerum natura* или *Hortulus* для нас сейчас скорее факт литературы художественной, чем научной, то *De divinis nominibus* – факт исторического богословия, длящегося и входящего в современность.

Современные переводы *Ареопагитик*, как показывает материал, опираются на церковнославянские традиции. Особенно это касается переложения, сделанного непосредственно с древнеславянского текста. Но мы уже говорили о флуктуации в тексте: в обоих новейших русских *Ареопагитиках* нет

⁵ В.В. Виноградов, *Итоги обсуждения вопросов стилистики*, „Вопросы языкознания” 1955, № 1, с. 73.

единства и четкости употребления философской терминологии даже в пределах одного перевода: греческое *symbolon* передается то как *образ*, то как *символ*; греческое *logos* – то как *слово*, то как *разум* и т.д. и т.п. Кроме того, переводчики часто используют дублиеты при передаче одного греческого слова или выражения (дублетный вариант в тексте обоих переложений графически заключается в скобки): *священноначальник* – *иерарх*, *соединяет с собою* – *единотворит*, *бесплотный* – *бестелесный*, *отличный* – *неподобный* и многие другие. Это порождает потенциально многообразное восприятие памятника: неслучайно переводчики публикуют в своих изданиях и греческий текст. Действительно, текст *Ареопагитик* иногда настолько сложен, что перевода недостаточно и приходится обращаться к греческому тексту. Другая ситуация была в древнеславянском: „проекция”⁶ греческого текста на церковнославянский была настолько органична для последнего, что образованным книжникам не нужен был подстрочник, он прочитывался ими за словами перевода. В современном литературном языке, в отличие от церковнославянского, грецизация стерлась на всех языковых уровнях, так что билингва часто бывает необходима.

Можно сказать, что древний перевод *Ареопагитик*, в силу особенностей церковнославянского языка, представлял собой своеобразный гипертекст, каждое слово которого работало как ссылка на соответствие в языке оригинала. В настоящее время есть необходимость сохранить форму гипертекста, но теперь издатели прибегают к различным графическим средствам (о них речь шла выше), которые являются знаком отсылки к тексту греческому или древнеславянскому, и дополняют издания публикацией этих текстов, создавая тем самым сеть текстовой информации, необходимой для постижения высот философии и богословия ареопагитских трактатов.

⁶ Ср.: „Проекция греческой или латинской грамматики придает церковнославянскому языку статус ученого, «окультуренного» языка, доступного для образованной элиты книжников, способных оценить достоинство новых переводов через обращение к их оригиналам” (И.В. П л а т о н о в а, *Перевод в риторическом типе культуры. Переводческая техника в Геннадиевской Библии 1499 г.* Дис. ... канд. филол. наук, Москва 1997, с. 64).